Tegena, 1983, OBHT, N 36.

Hamus nyongkanin

29 апреля 1910 года секретарь Льва Толстого Булгаков записал в своем дневнике: «Одна девушка прислала длинное писание своей жизни, заключавшееся просьбой о восьмидесяти рублях для до-платы за швейную машину. Льву Николае-вичу описание показалось настолько характерным и трогательным, что он решил по-слать его куда-нибудь для опубликования с своим предисловием, гонорар же употре-бить на выручку швейной машины девушки. Он продиктовал мне предисловие, а я уже написал письмо Короленко в «Рус-ское богатство», но Лев Николаевич потом передумал и не послал его.

- Авось, кто-нибудь из литераторов

Предположение оправдалось. На следующий день в Ясную Поляну приехал П. Спиро, заведующий информационным отделом выходившей в Москве и самой распространенной в России газеты Русское слово», которую издавал Д. Сытин. Вот что рассказал он в опу-

бликованных через год воспоминаниях:

«...В дальнейшем Лев Николаевич пояс-

нил свои слова: — Одна крестьянская девушка прислала мне письмо, в котором сделала свое жизнеописание... Письмо это очень замечательное, и мы собирались послать его для напечатания в какой-нибудь журнал

— К этому письму Л. Н. написал пре-дисловие,— сообщил мне В. Булгаков.

Я стал просить Л. Н. дать согласие на напечатание его «предисловия» и письма в нашей газете.

Л. Н. согласился, дал мне и «предисловие» и письмо, но, желая еще раз просмотреть его, предложил мне до напечатания прислать в корректуре копию письма.

Когда впоследствии я исполнил это жепание Л. Н., я получил в ответ письмо от его секретаря В. Булгакова, в котором он, между прочим, писал: «Как Вы знаете и от самого Л. Н., ему хотелось еще раз по-смотреть это большое письмо, чтобы, если понадобится, сделать в нем какие-либо редакционнные изменения. Он взялся бы за эту работу сейчас,— но ему, кроме текста письма, необходимо также его предисловие, которое он Вам передал. Кажется, он намерен переработать и его. По крайней мере, он очень просит Вас прислать ему это предисловие. Тогда только он возьметза просмотр жизнеописания крестьянской девушки».

Процитировав несколько строк из предисловия Толстого, Спиро далее пишет: «Я ограничился незначительной выдержкой из «предисловия» Л. Н., так как не вправе напечатать ни «письма», ни «пре-дисловия» — и то и другое является соб-ственностью «Русского слова» и до напечатания на его страницах опубликовано быть не может».

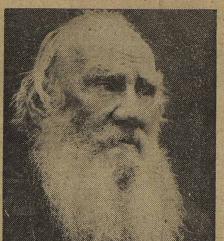
«Русское слово» так и не воспользовасвоим «правом собственности» письмо к Толстому крестьянской девушки Агафьи Тишковой не было напечатано. Впервые его текст полностью, таким, каким читал его Толстой, воспроизведен в моей публикации в журнале «Неман» (1978, № 9), а затем вошел в мою книгу кКак жить, Лев Николаевич? Очерки белорусских корреспондентах Льва Тол-стого» (Минск, 1979). Лозволю себе напомнить читателям «Недели», о чем шла речь в «жизнеописании крестьянской

Молодая белорусская крестьянка решилась обратиться к Толстому, как к «великому учителю жизни», к «человеку, который твердо верит в правду и не признает накакой лжи...» За прожитые двадцать лет она не может вспомнить ничего «светлого, радостного и правдивого...» Она привыкла и любит трудиться. С шести лет смотрела за младшими сестрой и братом, готовила «свиньям к вечеру, пока мать не придет с поля». Когда пошел девятый год — уже работала в поле, пасла пошалей, стирала белье, шила братьям рубахи. Очень скоро она выучилась шить. прясть, жать, мологить... Времени учиться грамоте не было. Но не только это томило ее, с годами в душе росло сложное чувство недоумения и возмущения самим устройством жизни: «...Почему те люди, которые ничего не делают, живут хорошо, одеваются красиво, едят вкусно и катаются на хороших лошадях, и когда они едут, то все кричат «паны едут!», и все встают и кланяются проезжим панам. И я тоже кланяюсь, а в душе удивляюсь, почему нв паны кланяются людям, а люди панам».

В двенадцать лет мать отдала ее в

услужение в помещичий дом.

«И что же я там увидела! Мне сказали, что не должна сидеть, когда идет барыня или барин, и что я должна бегом бежать, если меня зовут, и что я должна молчать, когда меня ругают, хотя это и неправда, за что ругают. И дети меня били, но я должна/молчать детям, потому что я му-

когда все спят, и начала читать, что ни попадется под руку. И благодаря своим усиленным стараниям я научилась кое-как писать, как это видно из моего письма, и также немного читать».

Жить в помещичьей семье стало совсем невмоготу. Обострялся конфликт и дома, где ее заставляли выйти замуж за нелюбимого. В одну зиму, когда она жила у брата-учителя, сй попались книги Тол-стого — «каждое слово, прочитанное из Ваших сочинений, глубоко запало в мою душу». Еще больше окрепло желание душу». Еще оольше окрепло желание стать самостоятельной, ни от кого не зависеть. В Волковыске, где она помогала старшему брату, у которого болела жена, вести хозяйство, случайно побывал учитель кройки. За пять рублей он далей несколько уроков, а шить она научилась раньше. И вот в конторе Зингера взята за 136 рублей в рассрочку швейная машина. План прост: телерь она заная машина. План прост: теперь она заработает и на себя и на уплату за маши-

места. Ваше жизнеописание так интересно и хорошо написано, что его охотно напечатают и дадут вам за него нужную сумму. Известите меня поскорее, согласны ли вы. Тогда я пошлю вашу тетрадь в избранную мною редакцию, а редакция уже бу-дет иметь дело с вами непосредственно».

А накануне было написано предисловие к «жизнеописанию» Агафыи Тишковой:

«Расская о жизни и впечатлениях этой крестьянской девушки мне кажется очень замечательным: и по своей искренности, простоте и очевидной правдивости и в особенности потому, что ясно выражает ту совершившуюся в крестьянском рабочем населении перемену, заключающуюся в живом сознании несправедливости своего положения. Как ни стараются люди властвующих классов скрыть от себя, заглушить в себе сознание несправедливости своего положения, такие рассказы, как рассказ этой крестьянской девушки, неотразимо должны вызывать это сознание. В рассказе этом испытываемая миллионами людей несправедливость своего положения представляется как что-то совершенно новое и

Думаю поэтому, что напечатание втого рассказа может быть полезным».

5 мая взволнованная и благодарная Агафья Тишкова отвечала Толстому:

OHA TIMCAM никому неизвестное.

9 сентября — день рождения Льва Николаевича Толстого. Наследство, которое он оставил нам, неоценимо, а каждая крупица знаний об этой величайшей личности драгоценна. Известному литературоведу Семену Букчину удалось найти одну из корреспонденток Толстого. Она, получавшая когда-то письма от Льва Николаевича, живет в Москве...

Семен БУКЧИН

жичка, а они дворяне. Я должна была вставать, делать всв, убирать комнаты, чистить им ботинки и все-все делать, что они напачкают... И тогда я начала ненавидеть этих паразитных людей и вместе с ними свою жизнь. И никак не могла перенести этой лжи, бросила и ушла до-

С этого времени у Агафыи Тишковой начался конфликт с родителями, настаивавшими на возвращении к помещице, соблазнявшей трудолюбивую девушку повышением платы до пяти рублей в месяц. «Но мне не нужны были деньги, мне нужна была справедливость и любовь, как к равному человеку, а не как к низ-шему существу. Но несмотря на то, что

ну. «Но это мне не удалось, потому что я зарабатывала на то, чтобы только справить одежду себе и на мелкие расходы». Братья помогали, но долг конторе Зингера еще был велик — 80 рублей. И заплатить их нужно было немедленно — в противном случае машину забирали и вместе с нею исчезала надежда на самостоятельную жизнь. А ведь нужно было еще помочь больной сестре. И вот она решила обратиться к Толстому с просьбой по-мочь ей найти «такой труд, где могла бы заработать для уплаты машины».

Эта исповедь не могла не впечатлить Толстого. Вместо забитого и покорного существа, каким обычно в литературе тех лет рисовали деревенскую женщину, со

в моей душе кипела злоба против этой несправедливости, я ей этого не сказала, потому что привитый страх против этих паразитных людей взял верх». Она возвращалась к помещице и уходила от нее, и «уже презирала всех и саму себя и мою жизнь и не верила уже, что есть где-нибудь справедливость». Мать стала для нее чужой. Зато всей душой «прилепилась» к брату, закончившему полоцкую семинаи учительствовавшему в Быховском уезде. Брат-учитель был олицетворением того света жизни, который так манил ее. У него были книги и собирались интересные люди. А тут получилось так. что, оказавшись вместе с помещичьей семьей в Петербурге, она не могла написать письма любимому брату.

«И я начала сама учиться писать ночью,

страниц этого на сорока двух листах ученической тетради письма, сквозь корявые строки проступал новый образ — молодой крестьянки, вставшей на тяжкий путь борьбы за свое попранное человеческое достоинство, остро чувствовавшей соци-альную несправедливость и не желавшей мириться с ней. И как это замечательно, что она, с малых лет привыкшая жить собственным трудом, не просит у Толстого денег, подобно сотням обращавшихся к писателю. Ей нужен совет - как и где приложить свои силы.

30 апреля Толстой пишет в Волковыск: Агафья Петровна!

Мой совет, что для того, чтобы вам по-лучить нужные вам 80 руб., лучше всего отдать в печать ваше жизнеописание, разумеется, не упоминая ни имен ни даже мне помогаете в материальном отношении, та-учителя, упоминаемого в посланном Но Вы пробудили во мне много силы ду- Толстому «жизнеописании». Аркадию шевной для борьбы со злом и за искрен. Ивановичу случайно попал на глаза станее счастье ...».

ее счастье...». рый журнал, и он он просила «известить, как будет на-судьбе своей тети. Она просила «известить, как будет на-звание той книги, в которой будет поме-щен мой рассказ и как будет его загла-ровне Тишковой сейчас 93 года. Она жи-вие». Но так и не дождалась публикации. Вет в Москве с дочерью и внуком». Деньги — 80 рублей — редакция «Рус-ского слова» ей выслала, а напечатать ис-тиру на Лениградском проспекте, по ноповедь крестьянской девушки в газете не меру, указанному Аркадием Ивановичем. решились — видимо, редакцию не устраи. Агафье Петровне вести телефонные бевала резкость социальных обличений мосседы трудновато. Разговор главным образом илет с ее почелью Марией Николаевлодой белоруски, подкрепленная к тому зом идет с ее дочерью Марией Николаев-же авторитетом Толстого. же авторитетом Толстого.

в магазине и берегу как святиню. Но не-прислжного поверенного, потом работала смотря что я вас никогда не видела, то я фасовщицей в аптекарском магазине, бывсегда вижу Вас в своем сердце и уме... та вышивальщицей в художественной ма-Вы спасли мого веру к правде и чему-то стерской, в первую мировую войну чисильному, невиданному и светлому. И я нила солдатское белье в армейской теперь стала сильнее духом и телом. Я швальне. верю теперь, что пока человек жив, то он не умирает, потому что правда тоже не трехгорной мануфактуре. Здесь-то и заумерла. Только она слишком слаба и изметили, что это человек принципиальный, мучена ложью, которая хочет победить ее. тянущийся к общественной работе, не Но ей, пока будут такие люди, как Вы, жалеющий сир для общего блага. Ее выникогда не удастся это сделать, потому брали председателем профсюзного кочто Вы во многие сердца вкропили веру митета, а в дзадиать четвертом, в год в истину и силу для борьбы».

в истину и силу для борьбы». щает о том, как в семье были удивлены пресненском районном Совете, организа-этим необычным ее шагом — обращением ция женского движения, работа в партийшее это дело или нет, должна ли я учиться или нет, и я сделаю; как Вы меучиться или нет, и я сделаю; как Вы ме- не уехала. Есть среди ее наград и медаль ня научите, потому что у меня нет тако- «За оборону Москвы». го человека, который мог бы мне сказать С 1951 года Агафья Петровна персо-

На конверте этого письма есть помета Толстого: «Не советую никуда поступать, а довольствоваться тем, что есть». Совет вполне в духе толстовской морали. Но неказываться от задуманного. В ответном стке. 1980 год.

коротеньком письмеце она благодарит Толстого за совет, обещает больше не беспокоить. Чувствуется, что только дели-катность и благодарность за сделанное добро удержали ее от спора с писателем.

Ни разу в своих письмах Агафья Тишкова не говорит на «толстовские» темы о непротивлении злу, смирении и проч. Напротив, Толстой для нее — вопломанрогив, голстои для нее — вопло-щение «силы для жизни и борьбы», веры в правду и справедливость. Воз-можность писать ему была для нее своего рода трибуной, как и для тысяч других его корреспондентов, желавших высказаться проплетовать жизть проклага. других его корреспондентов, желавших высказаться, протестовать, ждать веского авторитетного слова, искавших моральной поддержки, для всех искавших своего пути в жизни, для многих униженных и оскорбленных. И эта поразительная по своей массовости и силе тяга к писателю, конечно же, прежде всего определя-лась его позицией бунтаря, критика той самой жизни, которую считали устроенной несправедливо тысячи обращавшихся к нему людей.

Мы не знаем, какой была судьба крестьянской девушки из могилевской деревни Малые Слижи Агафьи Тишковой. Трудно сомневаться в том, что ее горячее сопротивление гнету жизни, ее поиск правды и справедливости, ее стремление к знаниям, к свету не дали добрых всхо-

Этими словами заканчивался мой очерк, опубликованный почти пять лет назад. Нет, я, конечно же, искал сведения о судьбе корреспондентки Толстого, искал ее родных, детей. Застать в живых ее саму почти не надеялся: из письма к Толстому было ясно, что она родилась в 1889 году, следовательно, уже в 1978 году, когда писался очерк, ей было 89 лет. Конечно, долгожителей у нас немало, но и возраст все-таки весьма почтенный. Я больше десяти раз читала его. Я так и тут на сцену является тот самый «госпривыкла к разочарованиям, которыми подин случай». Из Калининграда Московнаграждала меня судьба, что я никак не ской области в Минск приходит письмо от могла поверить. Мне все казалось, что это Аркадия Ивановича Тишкова, племянника сон, а не действительность. Вы не только Агафьи Петровны, младшего сына ее брамне помогаете в материальном отношении. та-учителя, упоминаемого в посланном Нет, я, конечно же, искал сведения о и он спешит сообщить о

е авторитетом Толстого. Получив гонорар, Тишкова писала Тол- Жизненный путь корреспондентки Льва

толучив тонорар, тишкова писала тол- Жизненный путь корреспондентки Льва Толстого, «крестьянской девушки» из «Вога ради, простите меня, за мою сме- Могилевской губернии, полностью подлость к Вам писать. Но поверьте, что я не твердил ясно обозначившийся в письме к испытываю ни сграха, ни робости писав-писателю характер — настойчивый, не ши Вам. Нет, когда я пишу Вам, то я чув- мирящийся с социальной несправедливоствую какую-то истинную радость, кото- стыю, упрямо ищущий своего места в рая укрепляет во мне силу для жизни и жизни. С 1910 года, то есть вскоре после больбы Я никогда Вас не видела исклю перериски с толстым она в москве борьбы. Я никогда Вас не видела, исклю-переписки с Толстым, она в Москве. чая только на карточке, которую я купила Сначала смотрела за детьми в семье в магазине и берегу как святыню. Но не-присяжного поверенного, потом работала

ленинского призыва, она вступила в пар-Далее корреспондентка писателя сооб-тию. Депутатские обязанности в Красноэтим необычным ее шагом — обращением ция женского движения, работа в партийк Толстому. Теперь-то уж, считали родных и профсоюзных организациях в стоные, она должна выйти замуж и «жить лице и в подмосковных Сараевском и
так, как все живут». Ведь у нее есть Лотошинском районах в пору коллекдаже приданое — швейная машина. Но тивизации — всюду вносила она энергию
Агафъя Тишкова мечтала о другом — о и веру в новую жизнь. А еще нужно было
замужестве по любви, о труде, не унижавшем ее достоинства, об учебе. К ток профсоюзной работы, с которой сродму же брат-учитель обещал подготовить в акушерскую школу: «А теперь у
теперь у отпустили бы — уж очень нужным, на
меня много веры в то, что я делаю и в своем месге человеком была Агафъя Петобщем много силы для жизни, и я не хоровна Тишкова. Она была «вечной куробщем много силы для жизни, и я не хо- ровна Тишкова. Она была «вечной курчу зря терять время...» Но и сомнения систкой» — вечерние и воскресные куродолевают: правильно ли она поступает, сы при рабфаке, партийные курсы. Чле-идя против воли родных. Отсюда новая ном партии стал в 1929 году и ее брат— просьба к Толстому— «напишите, хоро- учитель Иван Петрович, умерший в 1942 году в эвакуации. А она в войну никуда

истину, а сама я не знаю, как мне посту- нальный пенсионер. Подрастают уже праправнуки. Недавно ей вручили знак «50 лет в партии».

минск.

НА СНИМКАХ:

такова была Агафья Тишкова, не с ее ак- 👩 Агафья Тишкова (справа). 1908 год. тивной, жаждущей действия натурой от- 😝 А. П. Тишкова на избирательном уча-